

Памяти А. А. Токарскаго ¹⁾.

Еще одна смерть. Еще одна жестокая утрата въ нашемъ и безъ того опустошенномъ смертью обществѣ. Въ лицѣ такъ безвременно скончавшагося Ардаліона Ардаліоновича Токарскаго сошелъ въ могилу видный московскій общественный дѣятель, необыкновенно твердый характеромъ, чрезвычайно энергичный и неутомимый въ выполненіи поставленныхъ себѣ задачъ, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ. Его дѣятельность оборвалась въ томъ возрастѣ, когда многіе только впервые выступаютъ на широкое общественное поприще, и тѣмъ не менѣе личность Токарскаго, въ воспоминаніи всѣхъ его знавшихъ, навсегда останется очень яркой, опредѣленной и сильной фигурой.

Я какъ сейчасъ помню, какъ онъ въ первый разъ выступилъ въ нашемъ обществѣ съ рефератомъ о гипнотизмѣ. Уже тогда онъ невольно приковалъ къ себѣ общее вниманіе своими пламенно убѣжденными глазами и своею тихою рѣчью. Съ гипнотизмомъ въ то время только начинали знакомиться въ Россіи, о немъ знали только спеціалисты, въ публикѣ ходили о немъ самыя темныя представленія, и многіе даже очень образованные люди совсѣмъ отрицали существованіе его явленій. А. А. Токарскому среди насъ принадлежитъ заслуга перваго и серьезнаго научнаго ознакомленія Московскаго Психологическаго Общества съ этою

---

¹⁾ Читано въ засѣданіи Психологическаго Общества 13 октября 1901 г.

новою и въ высшей степени важною областью науки о человѣкѣ. Со дня этого перваго доклада въ нашемъ Обществѣ Токарскій сталъ неизмѣннымъ посѣтителемъ нашихъ засѣданій и скоро сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Совѣта Общества и постояннымъ, очень талантливымъ сотрудникомъ нашего журнала. Онъ прочиталъ у насъ рядъ докладовъ, въ которыхъ излагалъ свое чрезвычайно оригинальное психологическое міросозерцаніе. На засѣданіяхъ онъ принималъ горячее участіе въ преніяхъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и былъ замѣчательно остроумнымъ и сильнымъ оппонентомъ. Его возраженія, особенно въ послѣдніе годы, нерѣдко переходили въ блестящую, вдохновенную импровизацію, въ которой каждое слово дышало искреннимъ и глубокимъ чувствомъ.

По своимъ психологическимъ взглядамъ А. А. Токарскій принадлежалъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ сторонниковъ реалистическаго и чисто физиологическаго воззрѣнія на душевную жизнь. Но это не мѣшало ему необыкновенно широкому пониманію задачъ психологическаго изслѣдованія. Въ отличіе отъ многихъ своихъ единомышленниковъ, онъ не только не уклонялся отъ изученія разныхъ загадочныхъ, почти непостижимо темныхъ и таинственныхъ явленій человѣческой природы, но смѣло шелъ навстрѣчу этимъ явленіямъ, глубоко увѣренный, что настоящая наука все вмѣщаетъ въ себѣ, и что никакіе новые факты не угрожаютъ ея существованію, а только составляютъ стимулъ ея дальнѣйшаго развитія. Въ русской психологіи за покойнымъ остаются двѣ очень крупныя заслуги: онъ былъ однимъ изъ первыхъ научныхъ изслѣдователей гипнотизма въ Россіи, чрезвычайно многосторонній, вполне самостоятельный и не увлекающійся никакими предвзятыми мнѣніями; далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи ввелъ практическое знакомство съ методами экспериментальной психологіи и въ устроенной имъ при психіатрической клиникѣ психологической лабораторіи произвелъ рядъ работъ, иногда приводившихъ къ поразительно оригиналь-

нымъ и новымъ выводамъ. Смерть вырвала его у насъ въ самомъ началѣ этого созданнаго имъ дѣла, и постъ его остается незанятымъ.

Л. Лопатинъ.

Горькое сознание тяжелой и незамѣнимой потери, понесенной нашимъ Обществомъ и въ особенности тѣмъ тѣснымъ кружкомъ лицъ, которыя работали въ совѣтѣ и редакціи нашего журнала совмѣстно съ Ардалиономъ Ардалионовичемъ, чувство искренней дружбы и, наконецъ, но не на послѣднемъ мѣстѣ, долгъ личной, глубокой благодарности къ покойному, побуждаютъ меня прибавить съ своей стороны нѣсколько словъ къ тому, что только что сказалъ Л. М. Лопатинъ. Я не стану говорить здѣсь о заслугахъ Токарскаго въ дѣлѣ науки, какъ психолога, врача-психіатра и одного изъ рѣдкихъ у насъ въ Россіи работниковъ въ трудной и неблагодарной области экспериментальной психологіи. Объ этомъ вы уже слышали, и оцѣнка его дѣятельности съ этой стороны превышаетъ мою научную компетенцію. Мнѣ хотѣлось бы сказать лишь нѣсколько словъ о Токарскомъ—человѣкѣ. Съ этой стороны его знали мало, цѣнили ниже заслуженнаго и часто судили о немъ весьма невѣрно. Конечно, основанія къ тому лежали во многихъ отношеніяхъ въ самомъ характерѣ покойнаго, въ нѣкоторыхъ пріемахъ и формахъ его внѣшняго отношенія къ людямъ и обществу. Въ немъ было что-то замкнутое въ себѣ, суровое и, на поверхностный взглядъ, какъ бы холодное; прибавьте къ этому рѣзкую прямоту въ обращеніи и словѣ, и ошибочная оцѣнка его личности, съ которой мы такъ часто встрѣчались въ сужденіяхъ о немъ людей, болѣе или менѣе случайно съ нимъ сталкивавшихся, станетъ для насъ отчасти понятна. Л. М. Лопатинъ, характеризуя личность С. С. Корсакова, сказалъ, что С. С. стоялъ на рубежѣ нравственной геніальности. Корсаковъ дѣйствительно былъ воплощенное „благоволеніе“. При столкновеніи съ нимъ не должны были имѣть мѣста ни недоразумѣніе, ни ошибка;